

ФОРМАЛЬНАЯ И НЕФОРМАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ КАК «БЛИЗНЕЦЫ-БРАТЯ»: СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА

Р.М. НУРЕЕВ,

доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономической теории
Финансового университета при Правительстве РФ,
ординарный профессор Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», г. Москва, Россия,
e-mail: nureev50@gmail.com;

Д.Р. АХМАДЕЕВ,

соискатель кафедры экономической теории
Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва, Россия,
e-mail: akhmadeevdenis@mail.ru

В статье исследуется развитие неформальной занятости в российской экономике в начале XXI века. Предпринята попытка выявить факторы, оказывающие влияние на распространение неформальной занятости не только в отдельных субъектах Российской Федерации, но и в стране в целом. Для этих целей проведена группировка субъектов Федерации по уровню распространения неформальной занятости. Установлены зависимости между показателями, характеризующими уровень развития субъекта Федерации, и величиной неформальной занятости в каждом субъекте Федерации, а также на уровне государства в целом. Данные зависимости исследованы как в краткосрочном, так и в долгосрочном периодах.

Анализ факторов, влияющих на распространение неформальной занятости в отдельных субъектах Федерации и стране в целом в краткосрочном периоде, осуществленный на материале данных 2012 года, подтвердил идею де Сото о вынужденном характере неформальной занятости.

Однако дальнейший анализ показал, что взаимозависимости между исследуемыми показателями, полученные в краткосрочном периоде, часто не только не подтверждаются в периоде долгосрочном, но и носят прямо противоположный характер. Это и стало предметом исследования во втором разделе статьи. Выяснилось, что в условиях экономического роста неформальная занятость является дополнением и своего рода комплементарным благом к занятости в формальном (легальном) секторе экономики, что неформальная занятость в определенной степени есть следствие увеличения экономического благосостояния населения, следствие роста формального сектора. Почему так происходит в современной России, авторы и попытались выяснить в данной статье.

Ключевые слова: неформальная экономика; теневая экономика; неформальная занятость; неформальная экономическая деятельность; постсоветская Россия

FORMAL AND INFORMAL EMPLOYMENT AS «TWINS BROTHERS»: MODERN RUSSIAN PRACTICE

RUSTEM NUREEV,

PhD, Head of the Economics department,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Tenured Professor of National Research University HSE, Moscow, Russia,
e-mail: nureev50@gmail.com;

DENIS AKHMADEEV,

PhD student of the Economics department,
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,
e-mail: akhmadeevdenis@mail.ru

The article investigates the development of informal employment in the Russian economy in the beginning of the XXI century. An attempt was made to identify the factors that influence on extension of informal employment, not only in the regions but also in the whole country. For this purpose of the subjects of the Russian Federation were grouped in terms of the size of informal employment. The correlations between the indicators of the level of development of the regions and the size of informal employment in each subject of the federation, as well as at the state in general were determined. These correlations are studied both in the short and in the long run.

Analysis of factors influencing on the extension of informal employment in different regions of the Russian Federation and in the country as a whole in the short term, carried out on the material of 2012 year, confirmed de Soto's idea of a compelled nature of informal employment.

The further analysis showed that the relations between the studied parameters obtained in the short term, often not confirmed in the long term, and sometimes are opposite in nature. This fact became the subject of study in this article. It turned out that in conditions of the economic growth informal employment is a complementary benefit to employment in the formal (legal) economy; that informal employment is to some extent a consequence of the increase in economic well-being of the population, a consequence of the growth of the formal sector. The authors tried to find out in this article why it happens in modern Russia.

Keywords: *informal economy; shadow economy; informal employment; informal economic activities; post-Soviet Russia*

JEL classifications: *E24, J21, J23*

1. Как влияют макроэкономические факторы на развитие неформальной занятости в краткосрочном периоде?

Анализ российских макроэкономических факторов позволил ряду отечественных исследователей установить прямую зависимость между уровнем неформальной занятости и уровнем безработицы в регионе, а также обратную зависимость между уровнем неформальной занятости и величиной валового регионального

продукта, величиной инвестиций в регионе, количеством малых предпринимателей в регионе, среднемесячной заработной платой (см., например, *Титов, 2008*).

Проделанный нами анализ макроэкономических факторов российских регионов за 2012 год также подтвердил эти зависимости (*Ахмадеев, 2014*). Мы проанализировали 83 региона, разбив при этом их на группы в зависимости от величины неформальной занятости. Для расчетов субъекты Российской Федерации были сгруппированы следующим образом:

- 1) регионы с максимальным уровнем неформальной занятости – от 40% и выше (всего 4);
- 2) регионы с высоким уровнем неформальной занятости – от 30 до 40% (всего 8);
- 3) регионы со средним уровнем неформальной занятости – от 20 до 30% (всего 33);
- 4) регионы с низким уровнем неформальной занятости – от 10 до 20% (всего 29);
- 5) регионы с минимальным уровнем неформальной занятости – от 1 до 10% (всего 9) (см. табл. 1).

Это позволило составить уравнение регрессии и рассчитать коэффициенты корреляции, детерминации и эластичности (подробнее см.: *Ахмадеев, 2014*).

Зависимость между уровнем неформальной занятости и уровнем безработицы выражается следующим уравнением парной линейной регрессии: $y_x = 8,62 + 1,61 * x$. Следовательно, с понижением уровня безработицы на 1 процентный пункт можно добиться снижения величины неформальной занятости на 1,61 процентных пункта. Коэффициент корреляции (r_{yx}) составил 0,86, то есть между признаками наблюдается сильная связь. Коэффициент детерминации (R^2) составил 0,73. Таким образом, величиной уровня безработицы можно объяснить 73% различий в уровне неформальной занятости между субъектами Федерации. Коэффициент эластичности в данном уравнении парной регрессии составил 0,61. Это означает, что при увеличении уровня безработицы на 1% уровень неформальной занятости увеличится на 0,61%. Полные результаты по всем факторам приведены ниже (см. табл. 2).

Таблица 1

Группировка субъектов Российской Федерации по уровню неформальной занятости

Уровень неформальной занятости, %	Субъект РФ
1–10%	Центральный ФО:
3,7	г. Москва
9	Московская область
	Северо-Западный ФО:
2,2	г. Санкт-Петербург
9,9	Мурманская область
	Уральский ФО:
5,3	Ямало-Ненецкий автономный округ
7,9	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра
	Дальневосточный ФО:
6,9	Чукотский автономный округ
8,2	Магаданская область
10	Хабаровский край

Продолжение табл. 1

Уровень неформальной занятости, %	Субъект РФ
10–20%	Центральный ФО:
13,4	Калужская область
15,4	Ярославская область
16,6	Липецкая область
17,5	Рязанская область
18,4	Смоленская область
18,6	Белгородская область
18,9	Орловская область
19,9	Брянская область
	Северо-Западный ФО:
13,2	Ленинградская область
13,7	Ненецкий автономный округ
14,3	Республика Карелия
15,1	Псковская область
16,9	Республика Коми
17,1	Калининградская область
17,3	Архангельская область
17,9	Вологодская область
	Приволжский ФО:
11,8	Самарская область
19	Нижегородская область
	Уральский ФО:
10,9	Тюменская область
14,4	Челябинская область
15,4	Свердловская область
	Сибирский ФО:
16	Кемеровская область
16,2	Красноярский край
18,1	Новосибирская область
19	Томская область
	Дальневосточный ФО:
16,8	Камчатский край
18,4	Республика Саха (Якутия)
19,1	Сахалинская область
20	Приморский край

Продолжение табл. 1

Уровень неформальной занятости, %	Субъект РФ
20–30%	Центральный ФО:
20,6	Владимирская область
20,9	Тверская область
24,3	Ивановская область
24,3	Курская область
25,5	Костромская область
28,5	Тульская область
29,6	Тамбовская область
	Северо-Западный ФО:
21,7	Новгородская область
	Южный ФО:
23,9	Волгоградская область
25,1	Ростовская область
25,9	Астраханская область
26	Краснодарский край
27,3	Республика Адыгея
	Северо-Кавказский ФО:
29,6	Ставропольский край
	Приволжский ФО:
20,6	Пермский край
22,3	Кировская область
22,7	Удмуртская Республика
22,8	Республика Татарстан
23,3	Ульяновская область
24,4	Саратовская область
24,7	Оренбургская область
24,9	Республика Марий Эл
25	Республика Башкортостан
26,7	Республика Мордовия
29,4	Пензенская область
	Уральский ФО:
26,4	Курганская область
	Сибирский ФО:
24,1	Забайкальский край
24,4	Республика Тыва
26,6	Иркутская область
28,5	Алтайский край
29,5	Республика Хакасия
	Дальневосточный ФО:
22,2	Амурская область
23,6	Еврейская автономная область

Окончание табл. 1

Уровень неформальной занятости, %	Субъект РФ
30–40%	Центральный ФО:
32,9	Воронежская область
	Южный ФО:
32,9	Республика Калмыкия
	Северо-Кавказский ФО:
35,1	Республика Северная Осетия – Алания
35,4	Карачаево-Черкесская Республика
	Приволжский ФО:
30,8	Чувашская Республика
	Сибирский ФО:
32,9	Омская область
34,1	Республика Алтай
35,9	Республика Бурятия
> 40%	Северо-Кавказский ФО:
40,1	Кабардино-Балкарская Республика
41,9	Чеченская Республика
42,7	Республика Ингушетия
51	Республика Дагестан

Составлено автором по: (Федеральная служба государственной статистики, 2013b. С. 191).

Таблица 2

Факторы, влияющие на развитие неформальной занятости в субъектах Российской Федерации

Уровень	Уравнение парной линейной регрессии	Коэффициент корреляции (r_{yx})	Коэффициент детерминации (R^2)	Коэффициент эластичности
Безработицы	$y_x = 8,62 + 1,61 * x$	0,86	0,73	0,61
Валового регионального продукта на душу населения	$y_x = 36,86 - 0,032 * x$	0,9	0,81	-0,68
Инвестиций на душу населения в субъекте Федерации	$y_x = 35,93 - 0,0001 * x$	0,88	0,77	-0,64
Развития малого предпринимательства	$y_x = 47,37 - 0,02 * x$	0,92	0,85	-1,16
Среднемесячной заработной платы	$y_x = 50,32 - 0,001 * x$	0,88	0,78	-1,29

Источник: (Ахмадеев, 2014).

Проделанный на первом этапе исследования анализ не только подтвердил идею Эрнандо де Сото о вынужденном характере неформальной занятости, но и позволил сделать практи-

ческий вывод о том, что с увеличением инвестиций, развитием малого предпринимательства и, в конечном итоге, с повышением заработной платы и величины валового регионального продукта неформальная занятость в России будет сокращаться (Coto, 1995)¹. Казалось, что только глубокая и последовательная модернизация экономики позволит в значительной мере решить типичную для постсоветских стран проблему неформальной занятости.

Однако длительное существование неформальной занятости в постсоветский период наводило на мысль, что такая смелая экстраполяция является некоторым упрощением проблемы, пытающимся выдать желаемое за действительное.

Необходимо было проверить наши выводы на более длительном промежутке времени, тем более что за последние 25 лет неформальная занятость стала типичным явлением российской экономики.

Действительно, недостатком нашего предыдущего исследования была его статичность, так как данные анализировались лишь за один конкретный год. Необходимо было проверить выводы за более длительный период. Это стало предметом второго этапа исследований в нашей работе.

2. Как влияют макроэкономические факторы на развитие неформальной занятости в долгосрочном периоде?

Если взглянуть на соотношение исследуемых показателей в России в долгосрочной перспективе, в их взаимосвязи можно выявить некоторые интересные дополнительные моменты, которые в чем-то дополняют, а в чем-то уточняют концепцию Э. де Сото.

Более того, анализ современной российской экономики позволяет сделать неожиданные выводы. Начнем с безработицы. Казалось бы, чем больше безработица, тем меньше вероятность занятости в легальной сфере. Следовательно, должны увеличиваться возможности для неформальной занятости. И наоборот – чем меньше безработица, тем больше возможностей работы в легальной сфере, что должно было повлечь за собой сокращение неформальной занятости. Такой вывод уже давно зафиксирован в экономической литературе (см., например, Титов, 2008).

Общероссийские данные за 2001–2013 годы позволяют, однако, установить обратную зависимость между уровнем безработицы и уровнем неформальной занятости (см. рис. 1).

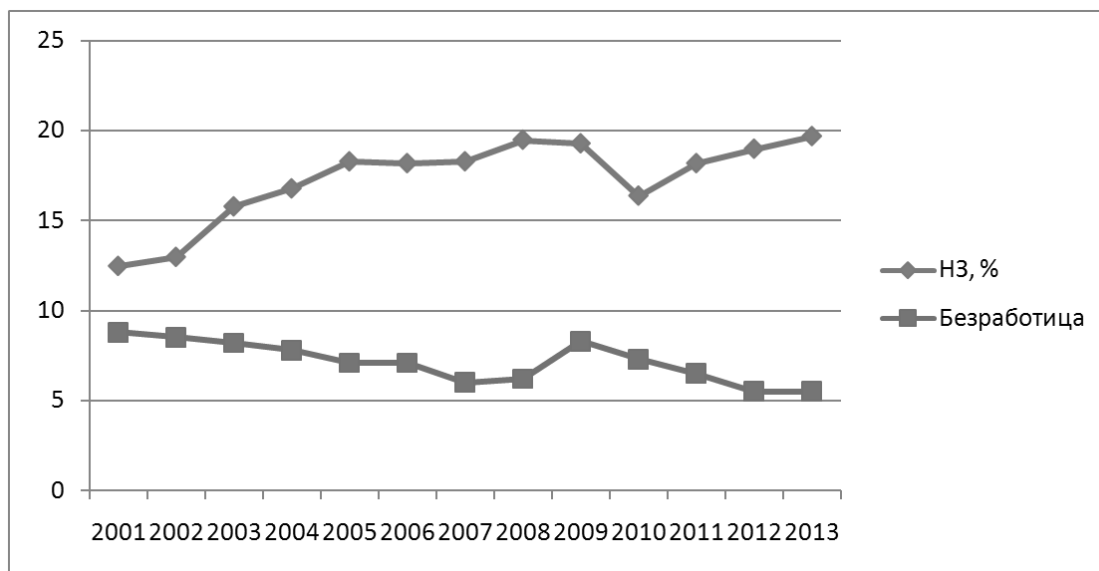

Рис. 1. Взаимосвязь величины неформальной занятости с величиной безработицы
Составлено авторами по: (Федеральная служба государственной статистики, 2003; 2004; 2005; 2006; 2007; 2008; 2009; 2010; 2011; 2012; 2013а; 2014).

¹ Детальный разбор концепции Эрнандо де Сото см.: (Нуреев, 2008. С. 143–160; Нуреев, 2010. С. 322–323; Nureev, 2014).

Уровень безработицы в России сократился с 2001 по 2013 год с 8,8 до 5,5%. Это означало, в соответствии с традиционным подходом, что должна была сократиться и неформальная занятость. Между тем ситуация в России прямо противоположная – неформальная занятость, согласно официальным данным, возросла с 12,5 до 19,7%. Более того, она обнаружила связь с экономическим циклом. С 2008 по 2009 год безработица выросла с 6,2 до 8,3%. Как же прореагировала на экономический спад неформальная занятость? Она под влиянием кризиса снизилась в 2009–2010 годах с 19,3 до 16,4%. Интересны при этом два обстоятельства: во-первых, она прореагировала с неким (годовичным) опозданием и, во-вторых, обнаружила любопытную свою связь с занятостью вообще. Оказалось, что чем больше занятость, тем больше люди используют часть заработанных средств для удовлетворения своих потребностей в теневом секторе. Это означает, что россияне с ростом своих доходов в начале XXI века все чаще обращались к сфере неформальных услуг в силу того, что легальная система данных услуг была недостаточно развита. И, более того, с сокращением доходов, связанных с потерей работы, вынуждены были гораздо меньше обращаться к этой неформальной сфере.

Рис. 2. Типология рабочих практик (методов работы):
 общая социальная организация труда
 Источник: (Williams et al., 2014. P. 58).

Это позволяет сделать любопытный вывод о том, что неформальная самозанятость при росте доходов может замещаться формальной, а неоплачиваемые неформальные услуги – оплачиваемыми неформальными (см. рис. 2). Это означает, что часть функций, типичных для самообеспечения, заменяет возмещаемый семейный труд, индивидуальные неоплачиваемые акты обмена вытесняются оплачиваемыми услугами, неформальный неоплаченный труд – формальной занятостью. В условиях развития рынка неоплачиваемая формальная занятость сменяется оплачиваемой формальной занятостью. Однако особенностью России является то, что легализация ряда секторов сферы услуг еще не завершена. Поэтому рост доходов населения может выражаться в том, что ряд услуг, в которых люди нуждаются, не сопровождается соблюдением всех формальностей, то есть фактически осуществляется нелегально.

Начало XXI века отмечено неуклонным ростом номинальной заработной платы в России. Конечно, с учетом инфляции он не был таким стремительным, как показано на рис. 3. Однако вряд ли кто станет отрицать, что этого роста не было вообще. Как же распорядились возросшими средствами россияне? Отнюдь не все их денежные знаки осели в легальном секторе экономики.

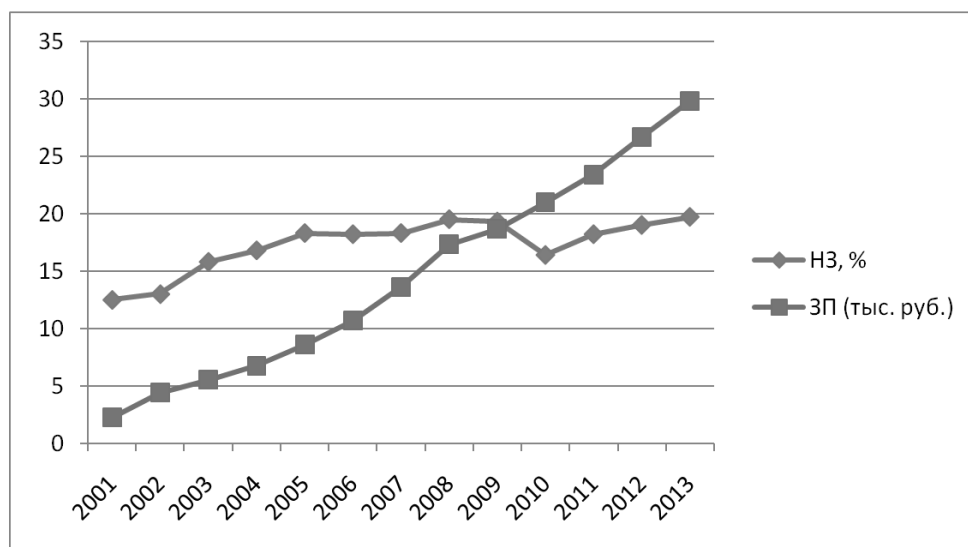

Рис. 3. Взаимосвязь величины неформальной занятости и величины номинальной заработной платы

Составлено авторами по:

(Федеральная служба государственной статистики, 2003; 2004; 2005; 2006; 2007; 2008; 2009; 2010; 2011; 2012; 2013а; 2014).

Ряд услуг, в которых они нуждались, взял на себя неформальный сектор. Это не значит, что он заново родился. Ряд функций, которые он выполнял раньше, остались и в условиях экономического роста, однако у него появились и новые функции, связанные с обеспечением возросших потребностей российских граждан. Это позволяет сделать вывод о том, что дело не только в его общей динамике, но и в его внутренней структуре. Впрочем, не будем торопиться с выводами и опять обратимся к статистике.

В отличие от номинальной заработной платы неформальная занятость изменялась не столь радикально: диапазон ее колебаний был заметно меньше. Как мы уже отмечали, с 12,5 до 19,7%. Тем не менее, она также имела тенденцию к росту, хотя и не столь очевидно выраженную. Рост этот, правда, после кризиса заметно снизился, поскольку, как уже отмечалось, у россиян после кризиса оказалось меньше возможностей и средств, чтобы тратить их в неформальном секторе. Тем не менее, отмеченная нами ранее тенденция вытеснения неоплачиваемой самозанятости оплачиваемой неформальной занятостью налицо. Это свидетельствует о том, что с развитием рыночной экономики в структуре неформального сектора постепенно происходят некоторые подвижки. На рис. 4 приведены примеры многообразия форм как оплачиваемой, так и неоплачиваемой самозанятости.

Картина будет более полной, если проанализировать динамику валового регионального продукта (см. рис. 5). Его рост подтверждают сделанные нами ранее выводы в связи с анализом безработицы. Экономический спад 2008–2009 годов замедлил темпы роста неформальной занятости. У населения появилось меньше возможностей для расходования средств, которые стремительно росли в начале XXI века. Поэтому, в отличие от ВРП, который с 2009 года неуклонно рос (в номинальном выражении), неформальная занятость к 2013 году лишь вернулась на уровень 2009 года. Если посмотреть реальный рост ВРП, то темпы его роста замедлились, что отразилось и на динамике неформальной занятости.

Рис. 4. Типология многообразной природы неформальной занятости
Источник: (Williams et al., 2014. P. 133).

Анализ темпов прироста величины неформальной занятости и ВРП лишний раз подтверждает сделанный ранее вывод о том, что формальный сектор с опережением определяет изменения в неформальном секторе (см. рис. 6). Неформальная же занятость в свою очередь с запозданием реагирует на изменения в формальном секторе экономики. Получается, что формальная и неформальная занятость выступают как «близнецы-братья»: каждая из них в современной России не существует без другой. Более того, каждая из них создает условия для другой и при определенных предпосылках переходит в другую, создает себя как другое.

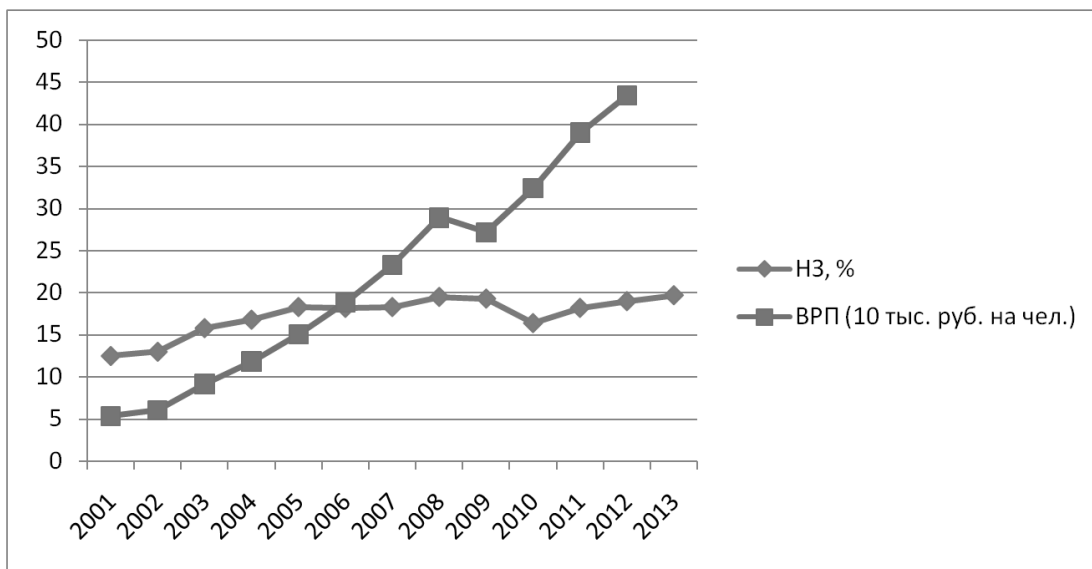

Рис. 5. Взаимосвязь величины неформальной занятости и размера ВРП
Составлено авторами по: (Федеральная служба государственной статистики, 2003; 2004; 2005; 2006; 2007; 2008; 2009; 2010; 2011; 2012; 2013а; 2014).

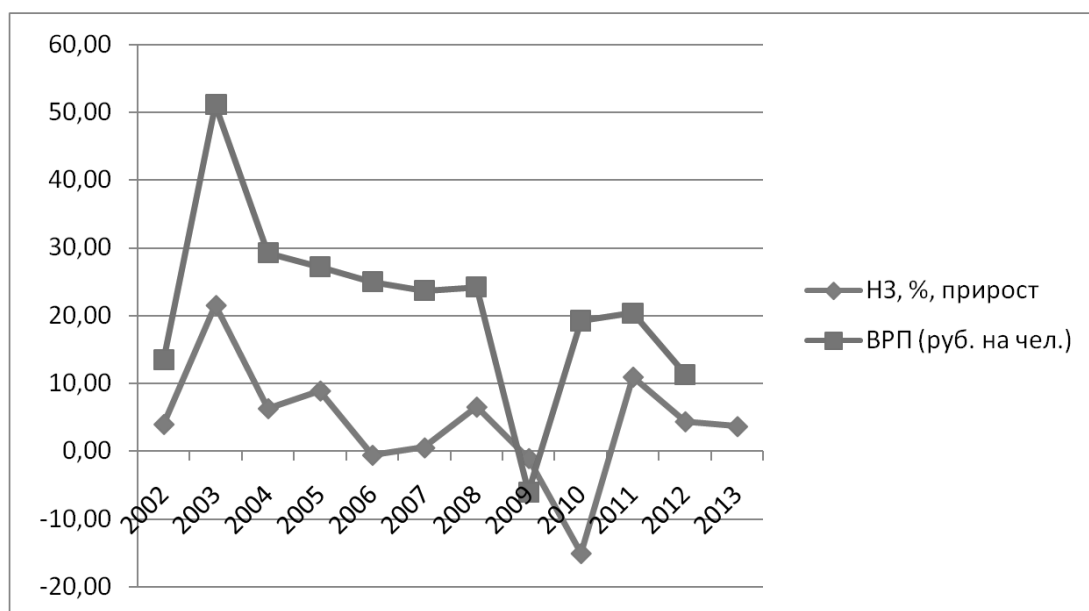

Рис. 6. Связь темпов прироста неформальной занятости и ВРП

Составлено авторами по: (Федеральная служба государственной статистики, 2003; 2004; 2005; 2006; 2007; 2008; 2009; 2010; 2011; 2012; 2013а; 2014).

Чтобы у читателя не создалось ложной иллюзии, что динамика всех макроэкономических показателей влияет в сторону увеличения неформальной занятости, рассмотрим взаимосвязь величины инвестиций и масштабов неформальной занятости (см. рис. 7). Традиционно считается, что существует обратная связь между величиной инвестиций и масштабами неформальной занятости. И мы также разделяли эту точку зрения (Ахмадеев, 2014). Однако применительно к началу XXI века эта связь в долгосрочном аспекте не подтверждается. Оба показателя росли, хотя темпы роста сильно отличались друг от друга. Если инвестиции в этот период стремительно выросли (за исключением кризиса 2008–2009 годов), то уровень неформальной занятости изменялся не столь радикально.

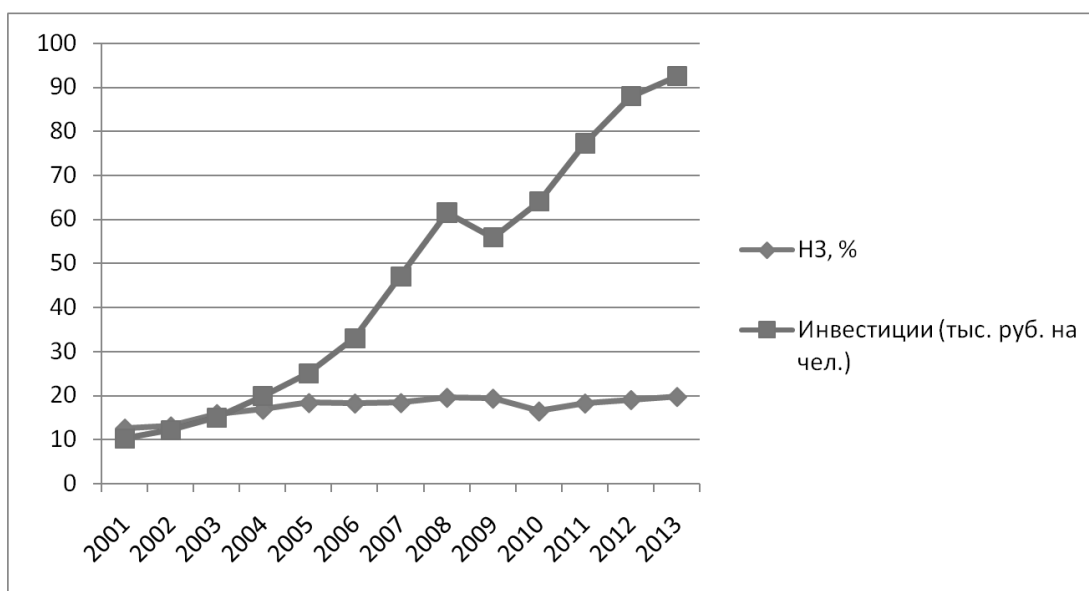

Рис. 7. Взаимосвязь величины неформальной занятости и величины инвестиций
Составлено авторами по: (Федеральная служба государственной статистики, 2003; 2004; 2005; 2006; 2007; 2008; 2009; 2010; 2011; 2012; 2013а; 2014).

Любопытный вывод напрашивается и при анализе влияния малого предпринимательства на неформальную занятость. Традиционно считается, что между ними существует обратная зависимость. Она, как нам казалось, подтверждалась на региональном материале. Однако в предыдущем исследовании (Ахмадеев, 2014) мы рассматривали лишь краткосрочный аспект. Анализ в долгосрочном периоде не позволяет сделать столь категоричные выводы. Бурный рост малого предпринимательства, начавшийся в предкризисный период (с 2006 года) не только не повлек за собой сокращение неформальной занятости, но даже не смог остановить ее некоторое увеличение. Другое дело, что на фоне бурного роста малого предпринимательства незначительное изменение уровня неформальной занятости скорее воспринимается как признак постоянства ее размеров и стабильности (см. рис. 8).

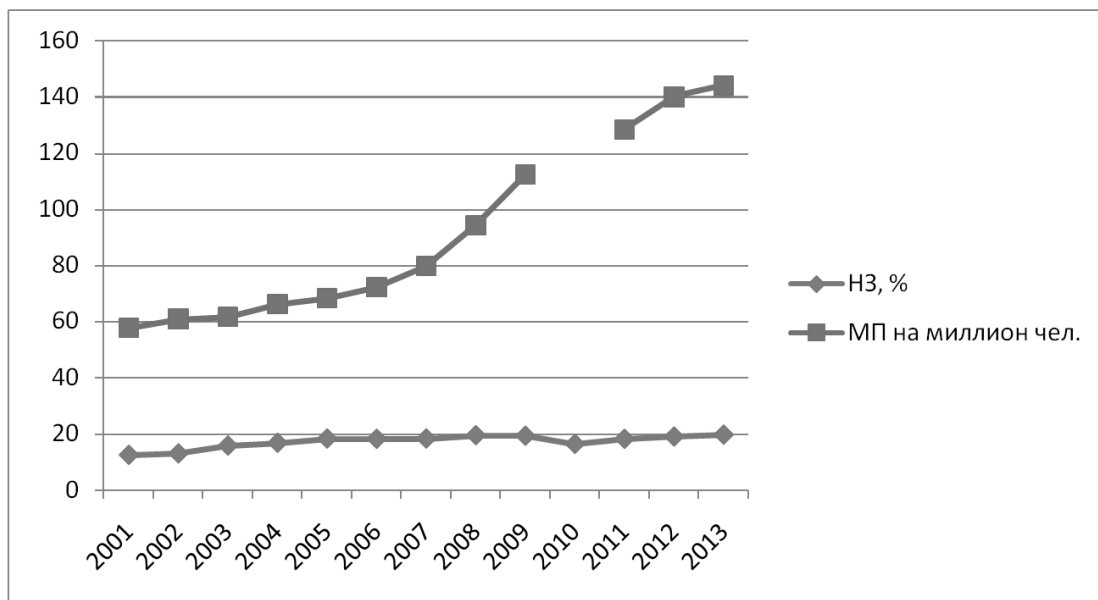

Рис. 8. Взаимосвязь величины неформальной занятости с развитием малого предпринимательства

Составлено авторами по: (Федеральная служба государственной статистики, 2003; 2004; 2005; 2006; 2007; 2008; 2009; 2010; 2011; 2012; 2013а; 2014).

3. Парадоксальные выводы

Подведем некоторые итоги. Проанализировав связь неформальной занятости и безработицы, динамики номинальной заработной платы и регионального валового продукта в долгосрочном периоде, можно прийти к выводу, что неформальная занятость в определенной степени есть следствие увеличения экономического благосостояния населения, следствие роста формального сектора. Поэтому аналогия с братьями-близнецами не является такой уж надуманной. Увеличение заработной платы позволяет населению предъявлять дополнительный спрос на товары и услуги.

Наш анализ показал, что неформальный сектор обслуживает разные категории российского населения, и спрос на его услуги у населения с низкими доходами и у населения с высокими доходами различается. Обычно население с более высокими доходами предъявляет более высокий спрос на услуги формального (легального) сектора, последние получают, как правило, денежную оценку (см. рис. 9). Однако особенностью стран с переходной экономикой является то, что даже в условиях экономического роста повышается спрос на услуги неформального сектора, многие из которых не получают полную денежную (монетизированную) оценку.

Дело в том, что на постсоветском пространстве сфера услуг формальной экономики пока недостаточно развита для удовлетворения данного дополнительного спроса. Это приводит к тому, что население обращается к услугам неформального сектора. Таким образом, с увеличением заработной платы у населения появляется возможность использовать часть своих доходов и в неформальной сфере (см. рис. 9).

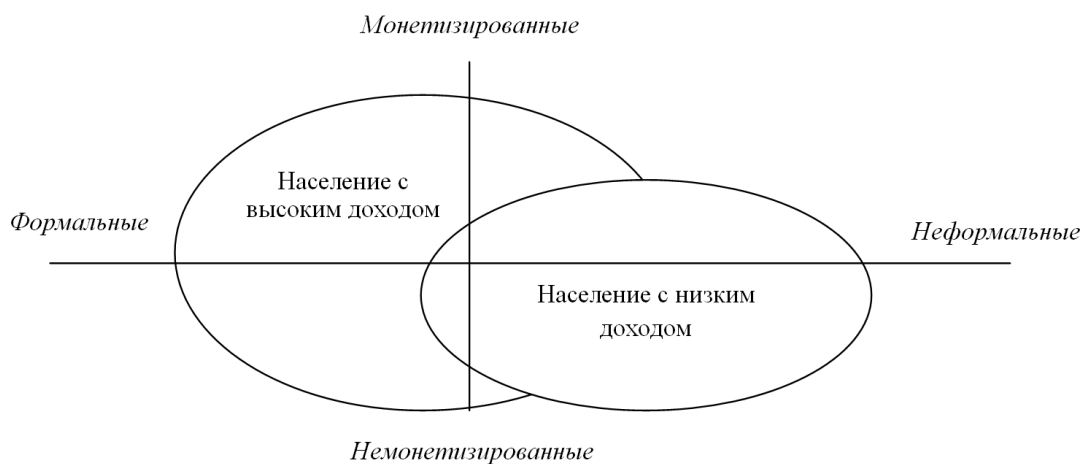

Рис. 9. Конфигурация трудовых практик на постсоветском пространстве: по валовому формальному доходу домашних хозяйств
Источник: (Williams et al., 2014. P. 200).

Прямая зависимость между ростом ВРП, номинальной заработной платой и ростом неформальной занятости, с одной стороны, и обратная зависимость между безработицей и ростом неформальной занятости – с другой, позволяет сделать неожиданный вывод о том, что в современной России неформальная занятость является комплементарным благом в целом к экономическому росту. При отсутствии экономического роста происходит с определенным временным лагом снижение величины неформальной занятости. Это также подтверждает тезис о значительном влиянии формального сектора экономики на неформальный. На практике многие виды формальной деятельности тесно связаны и переплетены с неформальными видами трудовой деятельности (см. рис. 10).

Использование неоплачиваемого труда домашних работников позволяет домохозяйствам более интенсивно участвовать в формальной сфере экономики, а неформальная оплата труда играет значительную роль даже в глобальных производственных цепях (см. подробнее: Phillips, 2011). Использование неформальных моделей в организации труда позволяет крупным компаниям достичь более гибкой системы производства, получив тем самым определенное конкурентное преимущество (см. подробнее: Slavnic, 2010).

Неформальная занятость является неотъемлемой частью экономической жизни современного общества, представляет собой своеобразный ответ на вызовы глобализации хозяйственной жизни и развития научно-технического прогресса. Неформальная экономика развитых стран скрыта гораздо сильнее, чем стран развивающихся. Неформальный сектор в развитых странах мира получил бурный рост начиная с 70-х годов XX столетия. Середина 70-х годов стала периодом водораздела, потому что глобальный спад убедил руководителей и служащих корпораций в развитых странах, что «обычный» предприниматель более нежизнеспособен. Преобладание крупных предприятий, соответствовавших классическим нелиберальным теориям, сменилось сильнейшей конкуренцией со стороны предприятий «третьего мира», использующих трудоинтенсивные и относительно простые технологии. Деформализация стала одной из стратегий новой альтернативной промышленной организации.

Рис. 10. Взаимосвязь формальной и неформальной экономической активности в постсоветских обществах
 Источник: (Williams et al., 2014. P. 202).

При изучении неформальной экономики и неформальной занятости с позиций марксизма значительное внимание уделяется анализу экономических отношений, объективным условиям жизни нации в исторической перспективе. В условиях становления и развития рыночной экономики большое значение приобретают механизм подчинения труда капиталу, взаимосвязь между неформальной деятельностью и крупными легальными фирмами, анализ классовых противоречий. Все это предполагает изучение процесса воспроизводства под влиянием меняющихся экономических, институциональных, социальных и правовых условий.

В соответствии с этим подходом не только формальная, но и неформальная деятельность могут способствовать выполнению функции накопления капитала, так как фирмы, действующие в рамках формального сектора, способны уходить в подполье и делают это вполне сознательно.

В соответствии с таким подходом в значительной степени изменяется понимание сущности неформальной занятости. Первоначальное противопоставление неформальной экономической деятельности формальному сектору экономики сменяется признанием неформальной экономики как возможной формы хозяйствования, обладающей специфическими характеристиками. Неформальная экономическая деятельность теперь не предстает как обособленный сегмент, а рассматривается как уход хозяйству-

ющих субъектов от различных форм государственного регулирования и учета. Таким образом, происходит значительное расширение объекта изучения неформальной экономики за счет включения в эти отношения субъектов, как имеющих официальный статус, так и не имеющих его.

Если неоклассический подход пытается решить проблему с точки зрения соотношения спроса и предложения на рынке труда, а неоинституциональный подчеркивает необходимость ограничения бюрократического вмешательства государства в этот процесс, то классический институциональный и марксистский – пытаются взглянуть на этот процесс с точки зрения исторического развития, то есть не ограничиваются рыночной стадией развития. Они находят в неполной занятости не только проявление рыночной экономики, но и обилие полунатуральных, полутоварных, полупланомерных связей. Наиболее богатым из всех четырех оказывается марксистский подход, который пытается рассмотреть неполную занятость во всем ее разнообразии в исторической перспективе.

Дополнительный интерес к проблеме неформальной занятости в развитых странах появляется в связи с быстрым распространением различных новых форм занятости, не вписывающихся в сложившееся представление о стандартной формальной занятости. Стандартная формальная занятость наиболее характерна для индустриального уклада общества. С переходом к постиндустриальному этапу неизбежно появление новых ее форм, которые будут играть ключевую роль в современной глобальной экономике (см. подробнее: *Standing G., 2011*). Такие формы занятости получили развитие благодаря появлению новых информационных технологий, определивших в свою очередь новую специфическую организационную среду экономической деятельности. Очевидно, что научно-технический прогресс, развитие науки и технологий – процесс, который носит в значительной степени объективный характер. Следовательно, и развитие вызванных этим различных нестандартных форм занятости также является процессом объективным.

Неформальная занятость на постсоветском пространстве имеет значительные масштабы. По некоторым расчетам, ее величина может достигать 32,6% от ВВП (*Williams et al., 2014. P. 133*). Неформальная занятость продолжает играть важную роль в обеспечении средствами существования большинства домохозяйств. Существуют различные причины участия населения в неформальной занятости. Следует однако помнить, что некоторые причины участия в неформальной занятости, характерные для одних видов неформальной трудовой деятельности, совершенно не характерны для других видов неформальной трудовой деятельности.

Таким образом, неформальная занятость, раньше рассматриваемая как «приют» низкоквалифицированных работников отсталых стран, полностью отделенный от формального сектора, сейчас рассматривается как альтернативный вариант хозяйствования, обладающий своими специфическими характеристиками (см. подробнее: *McFarlane and Waibel, 2012*). Изменение ее структуры может и должно стать предметом специальных исследований. Своей статьей мы стремились внести посильный вклад в решение этой сложной и чрезвычайно интересной проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

Ахмадеев Д.Р. (2014). Анализ факторов, влияющих на развитие неформальной занятости в субъекте Федерации // *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*, т. 5, № 4, с. 92–104.

Ахмадеев Д.Р. (2015). Институционализация неформальной занятости в России // *Гуманитарные и социальные науки*, № 1, с. 25–33.

Варшавская Е.Я., Донова И.В. (2012). Неформальная занятость по найму: грани явления // *Социально-экономическое развитие и образование*, № 6, с. 130–135.

- Гимпельсон В.Е., Зудина А.А.* (2011). «Неформалы» в российской экономике: сколько их и кто они? М.: Изд. дом ВШЭ.
- Нуреев Р.М.* (2008). Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М.: Норма: ИНФРА-М, 640 с.
- Нуреев Р.М.* (2010). Очерки по истории институционализма. Ростов н/Д: Изд-во «Содействие–XXI век», 416 с.
- Нуреев Р.М.* (2011). Россия: особенности институционального развития. М.: Норма: ИНФРА-М, 448 с.
- Нуреев Р.М., Ахмадеев Д.Р.* (2015). Классификация неформальной занятости и методы ее оценки // *Terra Economicus*, т. 13, № 1, с. 14–29.
- Портес А.* (2003). Неформальная экономика и ее парадоксы // *Экономическая социология*, № 5, с. 32–68.
- Сото Э., де* (1995). Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М.: Catallaxy, 320 с.
- Сото Э., де* (2004). Загадка капитала. М.: Олимп-Бизнес, 272 с.
- Титов В.Н.* (2008). Неформальная экономика как подсистема рыночного хозяйства. М.: М-Студио.
- Федеральная служба государственной статистики* (2003). Российский статистический ежегодник 2003. М.: Росстат.
- Федеральная служба государственной статистики* (2004). Российский статистический ежегодник 2004. М.: Росстат.
- Федеральная служба государственной статистики* (2005). Российский статистический ежегодник 2005. М.: Росстат.
- Федеральная служба государственной статистики* (2006). Российский статистический ежегодник 2006. М.: Росстат.
- Федеральная служба государственной статистики* (2007). Российский статистический ежегодник 2007. М.: Росстат.
- Федеральная служба государственной статистики* (2008). Российский статистический ежегодник 2008. М.: Росстат.
- Федеральная служба государственной статистики* (2009). Российский статистический ежегодник 2009. М.: Росстат.
- Федеральная служба государственной статистики* (2010). Российский статистический ежегодник 2010. М.: Росстат.
- Федеральная служба государственной статистики* (2011). Российский статистический ежегодник 2011. М.: Росстат.
- Федеральная служба государственной статистики* (2012). Российский статистический ежегодник 2012. М.: Росстат.
- Федеральная служба государственной статистики* (2013a). Российский статистический ежегодник 2013. М.: Росстат.
- Федеральная служба государственной статистики* (2013b). Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований). 2012. М.: Росстат.
- Федеральная служба государственной статистики* (2014). Российский статистический ежегодник 2014. М.: Росстат.
- McFarlane C. and Waibel M.* (2012). *Urban Informalities: Reflections on the Formal and Informal*. Aldershot: Ashgate, 200 p.
- Nureev R.M.* (2014). Development economics: neoinstitutional approach of Hernando de Soto // *Journal of Institutional Studies*, vol. 6, no. 4, p. 6–21.
- Phillips N.* (2011). Informality, global production networks and the dynamics of «adverse incorporation» // *Global Networks*, vol. 11, no. 3, pp. 380–397.
- Slavnic Z.* (2010). Political economy of informalization // *European Societies*, no. 12, pp. 3–23.
- Slonimczyk F.* (2011). The Effect of Taxation on Informal Employment: Evidence from the Russian Flat Tax Reform / In: *Lehmann H. and Tatsiramos K. (eds.) Infor-*

mal Employment in Emerging and Transition Economies: Research in Labor Economics. Bingley: Emerald Group Publishing Limited, vol. 34, pp. 55–99.

Standing G. (2011). *The Precariat: The New Dangerous Class*. L.: Bloomsbury, 192 p.

Williams C.C. (2009). Formal and informal employment in Europe: beyond dualistic representation // *European Urban and Regional Studies*, vol. 16, no. 2, pp. 147–159.

Williams C.C., Round J. and Rodgers P. (2013) *The Role of Informal Economies in the Post-Soviet World. The end of transition?* Routledge, 244 p.

Williams C.C., Windebank J., Baric M. and Nadin S. (2013). Public policy innovations: the case of informal work // *Management Decision*, no. 51(6), pp. 1161–1175.

REFERENCES

Akhmadeev D.R. (2014). The analysis of the factors influencing on the development of the informal employment in the region. *Journal of Economic Regulation*, vol. 5, no. 4, pp. 92–104. (In Russian.)

Akhmadeev D.R. (2015). The institutionalization of informal employment in Russia. *Humanities and social sciences*, no. 1, pp. 25–33. (In Russian.)

Varshavskaya E.Y. and Donova I.V. (2006). Informal employment by hiring: edges of the phenomena. *Socio-economic development and education*, no. 6, pp. 130–135. (In Russian.)

Gimpelson V.E. and Zudina A.A. (2011). *Informal workers: who are they and how much of them exist?* Moscow: Publ. House of HSE. (In Russian.)

Nureev R.M. (2010). *Essays on the history of institutionalism*. Rostov-on-Don: Publishing house «Sodeystvie–XXI vek», 416 p. (In Russian.)

Nureev R.M. (2011). *Russia: features of institutional development*. Moscow: Norma: INFRA-M Publ., 448 p. (In Russian.)

Nureev R.M. (2008). *Development economy: the becoming model of a market economy*. Moscow: Norma: INFRA-M Publ., 640 p. (In Russian.)

Nureev R.M. and Akhmadeev D.R. (2015). Classification of the informal employment and the methods of its assessment. *Terra Economicus*, vol. 13, no. 1, pp. 14–29. (In Russian.)

Soto E., de (2004). *The mystery of capital*. Moscow: Olymp-Business, 272 p. (In Russian.)

Soto E., de (1995). *The different way. Invisible revolution in the third world*. Moscow: Galaxy Publ., 320 p. (In Russian.)

Portes A. (2003). Informal economy and its paradoxes. *Economical sociology*, no. 5, pp. 32–68. (In Russian.)

The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2003). *Statistical Yearbook of Russia 2003*. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2004). *Statistical Yearbook of Russia 2004*. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2005). *Statistical Yearbook of Russia 2005*. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2006). *Statistical Yearbook of Russia 2006*. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2007). *Statistical Yearbook of Russia 2007*. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2008). *Statistical Yearbook of Russia 2008*. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2009). *Statistical Yearbook of Russia 2009*. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2010). *Statistical Yearbook of Russia 2010*. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2011). Statistical Yearbook of Russia 2011. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2012). Statistical Yearbook of Russia 2012. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2013a). Statistical Yearbook of Russia 2013. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2013b). Economic activity of the Russian population (based on sample surveys). 2012. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2014). Statistical Yearbook of Russia 2014. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

Titov V.N. (2008). Informal economy as subsystem of market economy. Moscow: M-Studio Publ. (In Russian.)

McFarlane C. and Waibel M. (2012). Urban Informalities: Reflections on the Formal and Informal. Aldershot: Ashgate, 200 p.

Nureev R.M. (2014). Development economics: neoinstitutional approach of Hernando de Soto. *Journal of Institutional Studies*, vol. 6, no. 4, p. 6–21.

Phillips N. (2011). Informality, global production networks and the dynamics of «adverse incorporation». *Global Networks*, vol. 11, no. 3, pp. 380–397.

Slavnic Z. (2010). Political economy of informalization. *European Societies*, no. 12, pp. 3–23.

Slonimczyk F. (2011). The Effect of Taxation on Informal Employment: Evidence from the Russian Flat Tax Reform / In: Lehmann H. and Tatsiramos K. (eds.) Informal Employment in Emerging and Transition Economies: Research in Labor Economics. Bingley: Emerald Group Publishing Limited, vol. 34, pp. 55–99.

Standing G. (2011). The Precariat: The New Dangerous Class. L.: Bloomsbury, 192 p.

Williams C.C. (2009). Formal and informal employment in Europe: beyond dualistic representation. *European Urban and Regional Studies*, vol. 16, no. 2, pp. 147–159.

Williams C.C., Round J. and Rodgers P. (2013). The Role of Informal Economies in the Post-Soviet World. The end of transition? Routledge, 244 p.

Williams C.C., Windebank J., Baric M. and Nadin S. (2013). Public policy innovations: the case of informal work. *Management Decision*, no. 51(6), pp. 1161–1175.